

РОВЕСНИК ТЕАТРАЛЬНОГО ОКТЯБРЯ

Двадцать лет я вижу в спектаклях Магнитогорского театра Дмитрия Орестовича Козловского и почти всякий раз, когда он выходит на сцену, я как зритель ощущаю какую-то душевную приподнятость, радостное предвкушение. Почему? Что есть в этом актере, чего нет в других — его товарищах или есть лишь отчасти, а в нем выражено так полно? Способность безраздельно жить в образе? Совершенное владение формой? Максимальная творческая

собранность? Не знаю. Для меня только ясно: на подмостки приходит хозяин сцены, который не будет прилагать стараний, чтобы «расположить» к себе публику, а зрители сами признают и пойдут к нему навстречу.

Это особое умение владеть залом не изменяет актеру и сейчас, несмотря на преклонные годы. Я была рада услышать после просмотра спектакля «На дне», как одна актриса сказала: «Нет, Бубнов-то, Бубнов Козловского! Нам бы всем такое актерское долголетие. Разве скажешь, что за плечами у него семьдесят лет...»

Да, Бубнов — еще один подарок Д. О. Козловского нам, зрителям. Не знаю, станет ли эта роль завершающей в биографии артиста. Если да — это великолепный уход под занавес. Бубнов Козловского, который в третьем акте, как филин, выглядывает из окна подвала — старый, умудренный жизнью филин, уже ничего не ожидающий ни для себя, ни для своих товарищей по ночлежке, а в конце спектакля предстает совсем иным — безмерно щедрым с этой своей связкой баранок и сухой таранью, как Лукулл, готовый раскинуть пиршественный стол для многочисленных друзей.

Пятьдесят лет отделяют Бубнова из магнитогорского спектакля от первого выступления двадцатилетнего Дмитрия Козловского, артиста одной из передвижных фронтовых трупп, которых много было тогда, в 1919 году на Украине, охваченной огнем гражданской войны. За давностью времени забылось, что это была за роль, что за пьеса, но в памяти удержались бесконечные фронтовые дороги, спектакли в холодных сараях и полуразрушенных школах, которые нередко приходилось прерывать на полуслове по сигналу «тревога».

До искусства ли, казалось, было в то суровое время. И все же, вопреки холодящей поговорке, голос муз был различим и при грохоте пушек. Красноармейцы как желанных гостей встречали артистов, и это было для них лучшей наградой за все тяготы и опасности походной жизни. Для молодого артиста было важно и то, что каждый день на фронте обогатил впечатлениями. Сколько людей во всем своеобразии их внешнего облика, повадок, сколько интересных характеров, сложных судеб прошло перед Дмитрием Орестовичем за два года, проведенных во фронтовой обстановке. И все это откладывалось в копилку

актерской памяти, чтобы позже при встрече с такими героями, как комиссар Кошкин, партизан Никита Вершинин, красный командир Малько, сослужить артисту добрую службу.

Заметим, что и в дальнейшем Дмитрий Орестович старался следовать этому правилу: идти в создании образа от живых наблюдений, придавать своим героям черточки, подсмотренные у знакомых и случайно встреченных людей. Вот хотя бы последние роли Козловского. Медлительность, немногословие, тяжелый взгляд исподлобья его Потапова («Тяжкое обвинение») артисту подсказало одно мелькнувшее воспоминание о восьмидесятилетнем старовере, работавшем истопником в Омском театре. Да и у американца Мак-Буррея из «Стройфронта» при всей подчеркнутой комедийности его облика — вполне реальная жизненная основа. Таких же вот американских инженеров Козловскому довелось повидать еще в двадцатые годы на строительстве Каширской электростанции.

Козловский не принадлежит к тем работникам сцены, что приходят к финалу своей артистической жизни обремененными пухлыми папками с рецензиями и

фотографиями «в ролях». Но и без этого легко представить, какое обилие названий пьес, ролей, театров, городов вмещает «послужной список» актера, чья личная творческая судьба как бы в миниатюре отразила полувековую путь советского театра на всех его этапах и решающих поворотах. Комиссар Кошкин («Любовь Яровая»), матрос-большевик Гайдай («Гибель эскадры»), начальник строительства крупного завода Григорий Гай («Мой друг»), рецидивист Костя-капитан, «перекочовавший» на Беломорканале («Аристократы»), народный мститель Федор Таланов («Нашествие») — даже этот беглый перечень свидетельствует, что актера постоянно питали в его творчестве те большие идеи и проблемы, которыми жила страна в первые годы революции, эпоху первой пятилетки, в пору фашистского нашествия.

Я не могу судить, насколько мастерски и масштабно сыграны Козловским эти роли «домагнитогорского периода». Но если обратиться к ряду работ Дмитрия Орестовича, которые мы видели и знаем, они дают право говорить о Козловском как о художнике сцены, вобравшем в себя лучший опыт нашего театрального искус-

ства, мужавшим вместе с ним.

Я вспоминаю, как играл Дмитрий Орестович богатого купца Прибыткова в «Последней жертве» Островского. Перед нами являлся отнюдь не черствый «рыцарь чистогана», а человек скорее приятный, способный оценить душевные богатства Юлии, относящийся к ней с заботой и уважением. И все же было ясно, что это — хищник, готовый завоевать женщину любыми средствами.

Никак не подходила привычная мерка «отрицательного» и «положительного» и к герою Козловского из спектакля «Хозяева жизни». Председатель горисполкома Медведев — человек честный, душевно чистый. Но как, почему случилось, что он стал жить инерцией старых понятий о жизни и вот теперь как руководитель неминуемо идет к банкротству.

Примеры можно умножить. Но и без этого понятно: так творит советский художник — всегда пристрастный, но никогда не подменяющий сложный человеческий характер просто социальной маской, примитивным «разоблачительством».

Десятки, сотни ролей из пьес советских авторов, русских клас-

сиков, зарубежной драматургии. Что же, были оные успехи на этом большом актерском пути? Нет, конечно. Вот одна из неудач, может быть, особенно горькая: Егор Булычев. Эту роль Дмитрий Орестович мечтал сыграть в течение многих лет. В горьковском спектакле он выступил не только как исполнитель главной роли, но и как режиссер. И, видимо, не рассчитав своих сил. Не воспринимался его Булычев как единый цельный образ, хотя некоторые сцены были сыграны с подлинным блеском и мастерством.

Два десятилетия выступает Дмитрий Орестович на магнитогорской сцене. С городом металлургов связано много значительных событий в творческой жизни артиста. Здесь особенно удачно сложился его репертуар, здесь он получил высокое звание заслуженного артиста РСФСР, здесь впервые развернулась его режиссерская деятельность. И сейчас, подводя итоги своего большого творческого пути, Д. О. Козловский без ложной скромности может отметить: в том, что с каждым годом прекрасное искусство сцены находит среди магнитогорцев все больше сторонников, растет авторитет театра, — и его большой, неопределимый вклад.

О. КАРПОВА.